

О.В. ГОЛОВКИНА*

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КАНАДЕ

Национальная идентичность¹ – понятие настолько комплексное и многогранное, что с момента появления института национального государства оно находится в центре дискуссий философов, культурологов и антропологов. Острота этих дискуссий только увеличилась с появлением мультикультурных обществ в условиях глобализирующегося мира. Канада с самого начала складывалась как страна иммигрантов. Состав её населения со времени основания доминиона Канада отличался этническим, конфессиональным, лингвистическим и расовым разнообразием. Более того, с годами степень этого разнообразия заметно возросла за счёт волн иммиграции из Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно негомогенность общества (по этническому, конфессиональному, лингвистическому, расовому и другим признакам) предопределила особенности самосознания канадцев. «Самосознание канадцев локально и регионально, оно проявляется на уровне представлений и высказываний о культуре отдельного региона... Канадцы более охотно осознают свою принадлежность к отдельной группе (этнической, конфессиональной, расовой или другой), региону, нежели к стране в целом»².

Разнообразие и национальная идентичность

В качестве доказательства рассмотрим два народа-основателя Канады: франкоканадцев и англоканадцев. Наш выбор пал на них неслучайно. В большинстве работ (отечественных и зарубежных), посвящённых проблеме национальной идентичности канадцев, авторы оперируют понятиями «франко-

* ГОЛОВКИНА Оксана Вячеславовна – аспирантка Волгоградского государственного университета, магистрант Карлтонского университета (Оттава, Канада). Copyright © 2009.

¹ Эволюция понятия «идентичность» имеет свою историю, так как оно употреблялось в разных науках: философии, социологии, психологии, культурологии и др. Данный термин тесно связан с конституированием в европейской традиции дискурсов «различия», «инаковости», «аутентичности» и «другого». Впервые в философски релевантном плане категория идентичности исследовалась Джорджем Г. Мидом и Чарльзом Х. Кули, которые, хотя и не использовали само это слово, писали о «самости» (Мид Д. Интернализированные другие и самость. В книге: Американская социологическая мысль. М., 1996, с. 224–227; Кули Ч. Социальная самость. Там же, с. 316–330). После 1945 г. термин «национальная идентичность» стал широко распространённым в литературе о социально-культурных аспектах нации. В отечественной философии вопрос о сущности национальной идентичности рассматривали С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, К.Д. Кавелин, К.Н. Леонтьев, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, Ф.А. Степун, Н.С. Трубецкой и Г.П. Федотов. При этом они выделяли несколько аспектов, употребляя понятия «самобытность», «самоопределение», «самоотождествление», «национальный архетип», которые в определённой степени являются эквивалентными «идентичности». В то время как русскоязычные термины более полно передают оттенки этого понятия, его английский или французский коррелят – идентичность – имеет более широкое значение. Так как целью данного исследования не является выяснение вышеуказанных аспектов и оттенков понятия, автор предлагает использовать определение «национальная идентичность».

² Frye N. The Bush Garden: Essays on the Canadian Imagination. Toronto, 1971, p. 45.

канадской идентичности» (*French-Canadian* или *Francophone identity*) и «англоканадской идентичности» (*English-Canadian* или *Anglophone identity*)³. При этом складывается впечатление, что две эти этнолингвистические группы имеют высокую степень гомогенности и чётко выраженную идентичность. Однако это далеко не всегда соответствует действительности. Даже эти сравнительно однородные группы не стали исключением из канадского «правила» локальности и региональности самосознания. Так, франкоканадцев можно условно разделить на квебекцев и неквебекцев (*Québecers and non-Québecers*)⁴, т.е. на жителей провинции Квебек и членов франкоговорящих сообществ других провинций. Зачастую именно квебекская идентичность лежит в основе франкоканадской, якобы общей для всего франкоговорящего населения Канады. Основными характеристиками последней считаются:

- католическая религия;
- глубокая привязанность к земле, как некое противоядие, предлагавшееся Католической церковью против модернизации и индустриализации XIX – первой половины XX века;
- сохранение французского языка;
- противопоставление себя англоканадцам.

При этом упускается из виду, что «в постиндустриальном обществе идентичность не есть нечто приобретаемое при рождении, принадлежность к этничности, языковой, конфессиональной группе или к исторической традиции. Напротив, люди сами в большей или меньшей степени, сознательно или бессознательно являются творцами собственной идентичности»⁵. «Идентичность – это не происхождение, идентичность – это выбор»⁶.

За пределами провинции Квебек существует франкоговорящее сообщество, которое сознательно и очень настойчиво говорит о своей уникальной, отличной от англоканадской и франкоканадской идентичности. Речь идёт о так называемой акадийской идентичности, основными составляющими которой являются:

- общие исторические и культурные традиции, сохранившиеся с XVII века (первой волны французских переселенцев в Акадию);
- общее этническое и лингвистическое происхождение (большинство франкоговорящих акадийцев – выходцы из французского района Пуату);
- уникальный диалект, на котором франкоакадийцы говорят и по сей день;
- своеобразная культура, основанная на устной традиции;
- собственные *национальные* символы, включающие флаг, *национальный* герб, *национальный* день 15 августа⁷.

Все эти символы берут начало в XIX веке. И, по словам Ж. Терио, составляют *национальную* идентичность франкоговорящих акадийцев. При этом данное этнолингвистическое сообщество сознательно отделяет себя от квебекских франкоканадцев, а также от франкоговорящих сообществ Манитобы и Онтарио, делая акцент на свою принадлежность к конкретному региону (Акадии).

Похожая ситуация наблюдается и внутри англоговорящего сообщества Канады, в котором особую этнолингвистическую группу образуют жители острова

³ См., например, F r y e N. Op. cit.; Черкас о в А.И. Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде (<http://www.niworld.ru/Statei/Cherkasov/n1.htm>).

⁴ Herbert R. Identity, Cultural Production and the Vitality of Francophone Communities outside Québec. In: Images of Canadianness. Visions on Canada's Politics, Culture, Economics. Ed. by L. d'Haenens. Ottawa, 1998, p. 41.

⁵ Ibid., p. 44.

⁶ Paratte H.-D. Ecrire en Acadie de Nouvelle-Ecosse: lieux littéraires et création en milieu minoritaire. En: La production culturelle en milieu minoritaire. Ed. par A. Fauchon. Saint-Boniface, 1994, pp. 191–230.

⁷ Здесь автором использована терминология известного акадийского социолога Ж. Терио (Thériault J. L'identité à l'épreuve de la modernité. Moncton, 1995, pp. 29–50).

Ньюфаундленд – до 1949 г. отдельного владения Великобритании, которое последним присоединилось к Канадской конфедерации на правах десятой провинции. Ньюфаундлендцы – «потомки старейшей в Северной Америке группы переселенцев из Юго-Западной Англии и Южной Ирландии, состав которых почти не пополнялся позднейшими эмигрантами; местный диалект английского языка и традиционные особенности быта существенно отличаются от языка и быта англоязычного населения остальных провинций Канады. В некоторых селениях Ньюфаундленда английский язык и сейчас звучит так, как он звучал во времена Шекспира»⁸. В связи с оскудением рыбных ресурсов некогда богатейшей Ньюфаундлендской банки, многолетним депрессивным состоянием экономики острова с устойчиво высокой безработицей (порядка 20% и выше), десятки тысяч ньюфаундлендцев в поисках работы переселялись на континент – как правило в крупные города Онтарио и Альберты, а также в Монреаль. «В 1981 г. в провинциях Канады проживало 132 тыс. уроженцев Ньюфаундленда (в том числе 70 тыс. – в Онтарио); за 1982–1996 гг. остров покинули ещё 53 тыс. человек (при численности его населения в 1996 г. всего в 552 тыс.)»⁹. Подобно акадийцам, ньюфаундлендцы являются носителями особой идентичности, отличной от англоканадской или франкоканадской.

Локальность самосознания франкоговорящих акадийцев и англоговорящих ньюфаундлендцев указывает на одну характерную особенность, которая тоже может быть причиной неоднородности канадской идентичности. Речь идёт о пространственных характеристиках. Географическая изолированность первых поселений и низкая степень заселённости современной территории страны консервировали культурные (этнические, лингвистические, конфессиональные) различия сообществ, препятствуя тем самым их ассимиляции. Даже сегодня «территория Канады всё ещё остаётся малозаселённой в сравнении с другими государствами. Географы говорят о том, что поселения Западной Канады, разделённые огромным необжитым пространством, напоминают архипелаг. В этом легко убедиться, пролетая над ними ночью на самолёте. Города кажутся маленькими яркими точками, изолированными в бескрайней темноте»¹⁰. Данная географическая особенность до сих пор оказывает значительное влияние на самосознание канадцев. «В подсознании даже самого урбанизированного канадца сидит образ огромной и невообразимой территории... Канада всегда будет слишком велика географически для нации её населяющей... И эта чудовищная, пустая территория всегда будет довлеть над нацией культурно и психологически»¹¹.

По мнению авторитетного специалиста Ч. Тэйлора, пространство является одним из необходимых условий формирования идентичности, так как «человек познаёт себя, определяя своё место во времени и пространстве»¹², тем более что и пространство, и самосознание определено границами: внешними и внутренними.

Внутренние различия канадского общества конфессионального, этнического и лингвистического характера усиливаются под влиянием регионализма и социо-экономических различий, существующих как внутри отдельных регионов, так и между ними. Об этом свидетельствует весь исторический опыт этой страны. В разбросанных по огромной территории немногочисленных поселениях, практически изолированных друг от друга, формировалось региональное самосознание, так называемые местечковые идентичности (*local identities*). Региона-

⁸ Черкасов А.И. Ук. соч. (<http://www.niworld.ru/statei/Cherkasov/n4.htm>).

⁹ Там же.

¹⁰ Fulford R. Canadians in the World Imagination. Lecture at the Hebrew University. Jerusalem, 5.06.1997, p. 2.

¹¹ Widdis W. Borders, Borderlands and Canadian Identity. Ottawa, 1997, p. 53.

¹² Taylor Ch. The Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, 1989, p. 35.

лизм в сознании канадцев был необходим для выживания в XIX веке. Ограничение территории проживания физическими и культурными границами было абсолютно необходимым условием формирования идентичности культурных сообществ того времени. Понятие «сообщество» было неразрывно связано с чувством принадлежности к определённой территории, неким объединяющим членом сообщества *пространством*. В современном мире *пространство* более не является неотъемлемым элементом самосознания. В век высоких технологий, новейших средств массовых коммуникаций и скоростного транспорта пространство утратило свой изолирующий эффект. Не только территория Канады, но и весь мир превратился в «глобальную деревню» Маршалла Маклюэна, никто из жителей которой не может быть полностью изолирован от окружающих. Но, несмотря на это, мало что изменилось в тех принципах, на которых строилась национальная идентичность канадцев. Хотя понятие «сообщество» и утратило свою, казалось бы, главную составляющую – незыблемые территориальные границы, оно не перестало существовать. «Сегодня «сообщество» по большей мере понимается как группа людей, имеющих общие культурные ценности, интересы, исторический опыт, цели и взгляды, даже если они разделены территориально и живут за многие километры друг от друга»¹³.

К Канаде, на наш взгляд, вполне применим образ государства-архипелага не только потому, что она состоит из довольно удалённых друг от друга поселений (сообществ). Её также можно представить как собрание регионов с собственным самосознанием, чьё стремление сохранить свои особенности перевешивает потребность сформировать общенациональное самосознание. Известный канадский писатель Р. Кротч определил Канаду как фрагментарное государство постмодерна, не имеющее объединяющего начала¹⁴. Перефразируя Кротча, можно сказать, что Канада – это государство постмодерна, не имеющее единой системы ценностей и достаточного количества времени, чтобы это осознать. Таким образом, третьим фактором, влияющим на проблему национальной идентичности канадцев, является относительно короткая история страны как независимого государства. У Канады было слишком мало времени для создания, а главное – осмысления национальной истории и традиций, которые отражали бы общеканадскую культуру в большей мере, чем ценности её колониального прошлого. Говоря словами первого канадского премьер-министра Дж. Макдональда, «у Канады слишком мало истории и слишком много географии»¹⁵. Более того, за довольно короткий период Канада как государственное образование претерпела многочисленные качественные изменения, к которым самосознание канадцев просто «не успевает» приспособиться. Так, уже упоминавшийся канадский историк Р. Фулфорд приводит следующий пример. Когда он был ребёнком (в 50-е годы XX века) многие в Канаде воспринимали её как британскую страну. И говорили об этом с гордостью. В наши дни Канада остаётся членом Содружества, а её главой по-прежнему является королева Великобритании, но трудно себе представить, «чтобы сегодня кто-нибудь в Канаде назвал её британской страной»¹⁶. Нарративы канадского самосознания, привнесённые европейскими рационалистами XIX века и изложенные в знаменитой книге Артура Лойе «От колонии к нации», устарели и требуют пересмотра. Такой пересмотр уже начался в канадской философии и культурологии, и сегодня затрагивает многие другие сферы. В их числе находится и сфера политики. Неслучайно в 1982 г. была «патриирована», т.е. возвращена на родину из Великобритании святая святых демократического государства – Конституция Канады и канадский пар-

¹³ Canadian Identity: What is a Canadian? – «The Scarboro Heights Record», vol. 10, No. 7, p. 35.

¹⁴ Kroetsch R. Regionalism, Postmodernism, and Robert Kroetsch: An Introduction. – «Great Plains Quarterly», vol. 14, No. 3 (1994): pp. 163–165.

¹⁵ Цит. по: Данилов С.Ю., Черкасов А.И. 12 лиц Канады. М., 1987, с. 5.

¹⁶ Fulford R. Op. cit., p. 5.

ламент обрёл право на внесение в неё изменений и дополнений. Иммигрантский характер страны, особенности её заселения, сравнительно короткая, но в то же время событийно насыщенная история – все эти факторы, тесно переплетаясь и взаимодействуя друг с другом, в конечном счёте определили уникальную среду, в которой зарождалась и продолжает формироваться национальная идентичность канадцев.

С конца 50-х и до начала 90-х (точнее до заключения соглашения о свободной торговле с США, а позднее – Североамериканского соглашения о свободной торговле – НАФТА) идентичность была ключевым понятием канадского национализма, ставящего своей основной целью сохранение независимости Канады. С конца 80-х – начала 90-х годов XX века национальная идентичность начинает в большей степени ассоциироваться, а в некоторых случаях и отождествляться, с политикой признания этнического, лингвистического, конфессионального и другого разнообразия (*politics of identity*). В самое последнее время идентичность стала ключевым моментом канадского философского, социального и политического дискурса. Но, несмотря на столь активное обсуждение данной проблемы, содержательное определение этого понятия так и не было сформулировано. Трудность, а подчас и невозможность сделать это заключается в том, что стандартные методы и формулы не подходят к канадскому случаю. Канадские философы, придерживающиеся традиционных взглядов на *нации* и *национальную идентичность*, в большинстве своём говорят об отсутствии таковых у канадцев. Следуя классическому определению (наличие общих символов, в ряду которых часто упоминаются этничность, раса, религия, язык, система культурных ценностей, история, география, психология¹⁷), Д. Брэйбрук¹⁸ утверждает, что мультикультурное канадское сообщество *a priori* не может иметь национальной идентичности. Подтверждение этого тезиса можно найти в работах Ф. Спаршотта, который считает, что «канадская идентичность – это ни что иное, как привнесённая европейцами система ценностей»¹⁹.

Философы, оппонирующие традиционалистам, чаще всего строят свою систему доказательств на утверждении, что необходимо мыслить себя, выходя за рамки теории национального государства (*nation-state*). Так, в классическом философском труде Л. Армур и Э. Тротт пишут о том, что «уникальностью может считаться хотя бы то, что складываясь из народов с разными традициями и системами ценностей, канадская нация должна была в первую очередь научиться жить вместе»²⁰. Б. Андерсон полагает, что «тремя ключевыми факторами современного национального самосознания являются: новый капиталистический тип производства, новый способ коммуникации и осознание особого значения языкового разнообразия»²¹. Представители марксистской школы Л. Панич и А. Грамши обращают особое внимание на «чувство принадлежности к нации»²². Согласно Макс Веберу, чувство принадлежности присутствует в любом виде коллективного действия. Так, по данным Р. Тимко, большинство канадцев ограничиваются определением себя через принадлежность к территории. Таким образом, канадец – это человек, проживший в Канаде некоторое число лет. Но такое определение никоим образом не раскрыва-

¹⁷ Braybrooke D. In Search of Canadian Philosophy. – «Queen's Quarterly», vol. 90, No. 3 (Autumn 1983), pp. 688–692.

¹⁸ Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1991, pp. 14–45.

¹⁹ Sparshott F. National Philosophy. – «Dialogue», vol. XVI, No. 1, pp. 3–21.

²⁰ Armour L. and Trott E. The Faces of Reason. Waterloo, 1981, p. 507.

²¹ Anderson B. Imagined Communities. Quoted by: Angus I. A Border Within. National Identity, Cultural Plurality, and Wilderness. Montreal & Kingston, 1997, p. 136.

²² Gramsci A. Prison Notebooks. N.Y., 1971, p. 133; Panitch L. The Canadian State: Political Economy and Political Power. Toronto, 1979, p. 5.

ет того, что принято называть национальной идентичностью, и не приближает нас к пониманию потребностей, ценностных ориентиров, идеалов и ожиданий канадцев. Канада существует и, что более важно, эволюционирует в глобализирующемся мире. Классические национальные государства с жёсткими территориальными границами (*territorial nation-states*) не являются более единственно возможными носителями национальной идентичности. Теперь, по выражению американского социолога А. Аппадурайи, «необходимо мыслить себя вне категорий национального, в категориях постнационального»²³.

Ещё один ответ на вопрос «Что значит быть канадцем?» основывается на определении идентичности не через принадлежность, а через отличие от других наций. «Канадцам свойственно определять себя как онтологическое отсутствие, то есть по модели: мы не американцы, не французы, не британцы»²⁴ и так далее. Сами канадцы говорят о себе следующим образом: «стороннему наблюдателю мы представляемся как нация, родственная американской, или, возможно, как некая версия американского народа, как нечто отпочковавшееся от него. Возможно, что у нас много общего, но, несмотря на это, мы – это не они»²⁵. Но и из такого определения весьма проблематично выделить сущностные характеристики канадской идентичности. «Категории, структуры, методы современных национальных государств являются неадекватными, порой чуждыми устройству современного общества»²⁶. Так зачастую «поиск гомогенной «культурной идентичности» «идёт вразрез с современным мировым порядком и его демократическими устоями»²⁷, а применение стандартных методов определения национальной идентичности не приносит результатов.

Предположим, что национальная идентичность канадцев качественно отличается от классического определения. Самосознание канадцев основано не на гомогенной культуре, едином социо-культурном стереотипе поведения и мышления (как это происходило в классических национальных государствах). Канада – это, скорее, не национальное государство, а «государство-конгломерат регионов»²⁸, отличающихся друг от друга не только культурными, лингвистическими, религиозными, этническими характеристикам, но и особенностями социальных и законодательно-правовых институтов. Тем не менее, при всём культурном разнообразии Канада всё же является единым политическим организмом. Поэтому потенциальным источником определения канадской национальной идентичности может быть её федеральное законодательство, а именно Конституция, прежде всего Хартия прав и свобод 1982 г. (*The Charter of Rights and Freedoms*) и закон «О мультикультурализме» (*Multiculturalism Act*, 1988).

Федеральное законодательство Канады как ресурс для определения национальной идентичности

Беглое прочтение Канадской Хартии прав и свобод на предмет определения того, «что значит быть канадцем», обнаруживает лишь скудную формулировку: канадцем является любой гражданин (*citizen*) или постоянный резидент Канады (*permanent resident*), определяющую юридический статус. В ходе бо-

²³ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996, p. 158.

²⁴ Тимко Р.М. И что же насчёт Пьера? Размышления об основах канадской культуры. – «Americana» (Волгоград), 2000, Вып. 4, с. 211.

²⁵ Fulford R. *Op. cit.*, p. 1.

²⁶ Albrow M. *The Global Age: State and Society Beyond Modernity*. Stanford, Calif., 1996, p. 167.

²⁷ Hassener P. *Beyond Nationalism and Internationalism: Ethnicity and World Order*. In: *Ethnic Conflict and International Security*. Ed. by M. Brown. Princeton, 1993, p. 135.

²⁸ Данный термин «region states» принадлежит Кеничи Омае (O h m a e K. *The End of the Nation State: the Rise of Regional Economies*. N.Y., 1995, p. 7).

более тщательного анализа выясняется, что понятие канадец может быть характеристикой как отдельного индивида (*person/individual*) так и группы лиц (*a group of Canadians*). К последней категории относятся коренное население и другие группы населения, находящиеся в неблагоприятных условиях, в частности, вследствие их расы, национального или этнического происхождения, цвета кожи, исповедуемой религии, пола, возраста или вследствие психических или физических недостатков. Данная формулировка, конечно, не является определением идентичности, но имеет немаловажное опосредованное значение для раскрытия национального самосознания канадцев. Так как: если закон государства основывается на потребностях, представлениях и ценностных ориентирах, то немаловажным представляется круг их носителей. Очевидно, что носителями права в Канаде являются как индивиды, так и группы. Здесь происходит смешение или, скорее, балансирование канадского законодательства между индивидуальными (либеральный тип) и коллективными (коммунитарный тип правления) правами. Канада не единственная страна, законодательство которой признаёт существование коллективных (групповых) прав. Однако, по мнению П. Фэрфилда, «канадское законодательство представляет интерес с точки зрения того, как оно примиряет две эти категории: права индивидов и права групп, следуя моральным базисам канадского общества, таким как равенство, терпимость, компромисс»²⁹. Не случайно Статья 15 Канадской Хартии прав и свобод рассматривает право на равенство через некий синтез индивидуального и коллективного. В соответствии с параграфом 2, провозглашённые в параграфе 1 «равенство перед законом и на основании закона и равная защита и покровительство со стороны закона» не препятствуют «принятию законов, программ или деятельности, направленных на улучшение положения отдельных лиц или групп населения, находящихся в неблагоприятных условиях ...»³⁰. Более того, именно права групп, прописанные в Статье 27, заложили конституционную основу политики мультикультурализма: «Настоящая Хартия должна толковаться образом, согласующимся с целями сохранения и приумножения мультикультурного наследия канадцев»³¹.

Таким образом, Хартия прав и свобод отражает характерную черту канадского общества – плюрализм. Ключевыми ценностями, изложенными в основном законе страны, являются многообразие и компромисс. Поскольку федеральное законодательство выражает совокупность представлений, ценностных ориентиров и потребностей нации, можно утверждать, что именно эти две ценности лежат в основе канадской идентичности. Действительно, канадское общество – это общество демократического плюрализма, в котором особые культурно-лингвистические группы имеют значительную политическую автономию, поддерживаемую государством. Более того, политика Канады эволюционирует в направлении сохранения культурных корней этнических меньшинств. В соответствии с Конституцией, дети имеют право посещать французскую или английскую школу. Данное право является залогом того, что этническое сообщество сможет сохранить свой язык. Таким образом, демократический плюрализм – это гарантия отсутствия ассимиляции. Сохраняющиеся культурно-лингвистические особенности регионов, при их равном участии в политическом процессе и государственных институтах страны в целом, по мнению некоторых экспертов, в свою очередь, являются залогом политическо-

²⁹ Fairfield P. The Bearers of Rights: Individuals or Collectives? In: Is There a Canadian Philosophy? Reflection on the Canadian Identity. Ottawa, 2000, p. 118.

³⁰ Конституции зарубежных государств. Учебное пособие. Под ред. В.В. Маклакова. Издание 2-е. М., 1997, с. 472.

³¹ Там же, с. 476.

го согласия и успешного взаимодействия внутри государства³². В этом смысле можно констатировать, что Канада отличается высокой степенью плюрализма. Этому способствует закреплённое в Конституции положение о том, что культурные сообщества и другие виды групп негомогенны по своей природе. Они состоят из отдельных граждан (носителей индивидуальных прав). Таким образом, группы являются открытыми системами, что позволяет их членам активно взаимодействовать с другими сегментами общества.

Обратимся теперь к канадскому закону «О мультикультурализме». В отличие от Канадской Хартии прав и свобод, уже в преамбуле к этому закону содержится определение того, что значит быть канадцем: «правительство Канады рассматривает расовое, национальное, этническое разнообразие канадцев, разнообразие по цвету кожи и религиозным убеждениям как основополагающую особенность общества; проводит политику мультикультурализма, направленную на сохранение и развитие мультикультурного наследия канадцев в процессе достижения ими равных возможностей в экономической, социальной, культурной, и политической сферах жизни». Далее, в декларативной части закона говорится о том, чтобы «считать мультикультурализм основополагающей чертой канадского наследия и национальной идентичности, бесценным ресурсом формирования будущего Канады»³³.

Итак, в ходе анализа Конституции и федерального закона «О мультикультурализме» были обнаружены прямые указания на национальную идентичность. Тем не менее, имея своей целью соблюдение максимальной объективности, нельзя не задаться следующим вопросом: а может ли мультикультурализм быть национальной идентичностью? Возможно ли в глобализирующемся мире поставить знак равенства между этим понятием и культурным, расовым, этническим и лингвистическим разнообразием? С точки зрения теории, это вполне возможно. По мнению Александра Вендта, разнообразие может быть формой национальной самосознания. «Вовлекаясь в процесс взаимодействия, актор изменяет свои представления относительно того, “кто он”, приходя, таким образом, к новому самосознанию. Осваивая навыки взаимодействия, акторы учатся идентифицировать себя относительно других и, таким образом, рассматривать себя в совокупности с окружающими в соответствии с определёнными нормами»³⁴.

С практической точки зрения, канадская политика мультикультурализма — компромисс между «либеральным» и «коммунитарным» подходами, являющийся следствием балансирования канадского законодательства между индивидуальными и коллективными правами. По поводу этой особенности канадского мультикультурализма внутри научного сообщества существуют разные мнения³⁵. В данной работе нас интересует мультикультурализм не как политическая программа (политический инструмент), а как основа канадской идентичности. Культурная мозаика, политика разнообразия — это отражение ежедневного опыта канадцев, который в конечном счёте становится стереоти-

³² N e d e r m a n C. Freedom, Community and Function: Communitarian Lesson of Medieval Political Theory. — «The American Political Science Review», vol. 86, No. 4 (December 1992), pp. 77–86.

³³ Canadian Multiculturalism Act, 1988 (<http://laws.justice.gc.ca/en/C-18.7/29493.html>).

³⁴ W e n d t A. Collective Identity Formation and the International State. — «American Political Science Review», vol. 88, No. 2 (June 1994), p. 394.

³⁵ Так, политический обозреватель газеты «Торонто Стар» Р. Гвин отмечает: мультикультурализм по своей сути не является объединяющим началом, так как способствует выделению различий, что в конечном счёте приводит к геттоизации культурных сообществ. Этой же точки зрения придерживается и У. Кимлика, директор Центра философии политики Куинзского университета. Кимлика полагает, что мультикультурализм на политическом уровне (как программа) деструктивен, позитивен лишь «общественный мультикультурализм». Американский исследователь Ч. Доран пишет о двух крайностях политики мультикультурализма: гомогенизировать общество, «слить его воедино» или фрагментировать.

пом их поведения, мышления, ментальностью, так называемым «общественным мультикультурализмом» (*multicultural citizenship*)³⁶. По мнению Р. Гвина, «быть канадцем – значит стремиться жить, следуя идеалам терпимости, учтивости и благопристойности по отношению к другим». С таким определением канадской идентичности, содержащимся также в законе «О мультикультурализме», согласны многие рядовые канадцы. По результатам опроса 1999 г. они поставили мультикультурализм на второе место в ряду атрибутов, способствующих их национальному самоопределению и отличающих их как нацию от американцев³⁷. Такое определение канадской идентичности использовалось и на правительственном уровне (в частности озвучивалось Ш. Копс в её бытность федеральным министром канадского наследия в либеральном кабинете Ж. Кретьена). «Для Канады центральным моментом самосознания является культурное разнообразие... Канада – первая страна, официально объявившая себя многокультурной... Канада – это модель мирного, плодотворного сосуществования разных культур на основе принципа взаимного уважения... Разнообразие – это отличительный признак канадской нации. Это её суть. Это предмет национальной гордости канадцев. Это то достижение, которое признают за нами другие страны»³⁸.

Мультикультурализм как основа национальной идентичности Канады

Как уже отмечалось, понятия канадского содержания (*Canadian content*) и идентичности (*Canadian identity*) наиболее полно раскрыты в законодательной базе о мультикультурализме. Особый интерес представляет формулировка о том, что «правительство рассматривает культурную мозаику (разнообразие канадцев по расовому, этническому происхождению, цвету кожи, религиозным убеждениям) как основополагающую национальную черту канадского общества»³⁹. Вместе с тем, политика мультикультурализма проводится и другими странами, в населении которых велика доля иммигрантов, например США и Австралией. Таким образом, возникает закономерный вопрос – корректно ли говорить о мультикультурализме как о национальной особенности канадцев? Примем за исходное предположение, что «мультикультурализм» как политическая программа решения проблемы интеграции в различных государствах был ориентирован на решение разных задач. Поэтому и «мультикультурализмы» существенно отличаются от страны к стране⁴⁰. Канадский мультикультурализм, в отличие от американского и австралийского, возник в результате долгих поисков компромисса между двумя народами-основателями (титутельными этносами): франкоканадцами и англоканадцами. Таким образом, канадское общество никогда не знало продолжительного периода ассимиляции на основе единственного этнокультурного типа.

Наиболее яркая и специфичная черта канадского общества — это его этнокультурная мозаичность, выражающаяся в том, что ни одна этническая группа не составляет большинства населения страны. «Канада — это страна меньшинств, связанных общенациональной идеей, этнокультурных групп,

³⁶ K y m l i c k a W. Liberalism, Individualism, and Minority Rights. Toronto, 1989, p. 67.

³⁷ <http://cicnet.ci.gc.ca/english/about/polls/index.html>

³⁸ C o p p s Sh. Speaking Notes on Gala Dinner International Meeting on Cultural Policy, 29.06.1998; I d e m . Speaking Notes at the Reception in Honor of Asian Heritage Month, 21.05.2002; I d e m . Speaking Notes on the Occasion of Canada Day 2002 (<http://www.pch.gc.ca/hm-min/02/11/13.html>).

³⁹ Canadian Multiculturalism Act, 1988.

⁴⁰ И л ь и н с к а я С.Г. Доминирующая культура и культурные меньшинства: ассимиляция, сегрегация, интеграция (www.intellectuals.ru).

большинство членов каждой из которых считает себя канадцами и одновременно с гордостью подчёркивает свою принадлежность к данной этнической группе, не выказывая сознательного стремления к ассимиляции с какой-либо другой группой»⁴¹. Это мнение А.И. Черкасова подтверждается его «полевыми» исследованиями – опросами представителей этнических групп, проведёнными в 1995–1998 гг. в различных городах и посёлках провинций Квебек, Онтарио, Саскачевана, Манитобы и Нью-Брансуика (всего около 300 респондентов)⁴². Характерно, что в Канаде принят термин «этническое определение + канадцы». То есть, вместо привычных, с точки зрения русского языка и восприятия, терминов «канадские украинцы» (украинцы, которые живут в Канаде), «канадские китайцы» и т.д., принято (политкорректно) говорить «украинские канадцы», «китайские канадцы» и т.д. Это кажется несколько нелогичным, но отражает их восприятие окружающим обществом, как и их самовосприятие: это канадцы такого-то происхождения, но прежде всего — канадцы. На основании этого, Канада может справедливо считаться мультикультурным, надэтническим сообществом сообществ. Вместо чётко очерченного этнического эталона, такого как белый протестант англосаксонского происхождения (*WASP*) в США или австралиец англокельтского происхождения, канадскому обществу всегда была присуща по крайней мере дуалистичность национального сознания. Это в свою очередь сделало возможным сосуществование в Канаде двух типов социализации, основанных на различиях культуры (в том числе и политической), а значит, и на различиях социальных институтов, что также препятствовало глубокой ассимиляции этнических сообществ⁴³.

Данная ситуация сохраняется и по сей день благодаря правам провинций проводить самостоятельную политику в отношении этнических, религиозных, и других меньшинств (которая может значительно отличаться, но не должна противоречить федеральному законодательству). Широкие полномочия провинциальных властей укрепляют отличия системы социализации в регионах, что делает этнокультурные меньшинства Канады менее «умозрительными»⁴⁴, нежели американские или австралийские. Мультикультурность последних можно поставить под сомнение в силу того, что уроженцы этих государств проходят социализацию в типовых социальных институтах и, как правило, не имеют между собой культурных отличий, значимых для социальной коммуникации. Наконец в Канаде, в отличие от США и Австралии, члены этнических сообществ действительно имеют закреплённое в канадской Хартии прав и свобод, а также в языковой политике право на пользование «родными» языками, включая и право на получение образования на «родном языке».

По данным проведённого А. Черкасовым опроса, язык китайской этнической группы (по переписи 1996 г. – 800 тыс., «несмешанных» и ещё 121 тыс. «смешанных» китайских канадцев), испытывающей очень малую языковую ассимиляцию, уже в 1996 г. стал третьим по числу используемых в повседнев-

⁴¹ Черкасов А.И. Ук. соч. (<http://www.niworld.ru/Statei/Cherkasov/n1.htm>)

⁴² Там же.

⁴³ По мнению С. Ильинской, этническое меньшинство является умозрительной общностью. Считается, что в реальной действительности ей соответствует некая группа индивидов, которая, как правило, находится в численном меньшинстве по отношению к остальной части населения государства и не занимает в нём доминирующего положения. Члены такой общности, как правило, будучи гражданами страны, обладают этническими, религиозными, языковыми или жизненностилевыми отличиями, которые выделяют их среди основной части населения. Умозрительность этнических меньшинств проявляется в том, что уроженцы одного государства, прошедшие социализацию в типовых институтах часто не имеют между собой культурных отличий, значимых для социальной коммуникации. И даже считая «родными» различные языки, они с успехом могут объясниться на общем – государственном, а их идеи, верования, правила, обычаи и образцы семейной жизни привычны и не являются шокирующими друг для друга.

⁴⁴ То есть они обладают рядом объективных (а не приписываемых им) отличий не только в области культурного наследия, но и в повседневном образе жизни.

ной жизни языков Канады (будучи родным для 716 тыс. человек), а языки выходцев из Индии и Пакистана (около 600 тыс. человек) – пенджаби (родной для 202 тысяч), хинди, урду и гуджарати (вместе – 130 тысяч), – наряду с арабским (родным для 149 тыс. человек), тагальским (филиппинским – 133 тыс.) и вьетнамским (107 тысяч) заняли места в ведущей двадцатке языков, на которых говорит население Канады⁴⁵.

Канадцы являются действительно многоязычной нацией. А этот факт свидетельствует о том, что вместе и посредством сохранения «родного» языка, канадские этнокультурные меньшинства сохраняют культурное и ментальное своеобразие. Тогда как в США и Австралии значительное большинство населения говорит на английском языке, вне зависимости от того, считают ли они себя представителями мейнстрима или этнокультурных меньшинств.

* * *

Неоспоримым фактом, подтверждающим существование канадской нации, является чувство принадлежности канадцев к таковой. Однако ответ на вопрос «Что значит быть канадцем?» или определение национальной идентичности до сих пор остаётся объектом научных дискуссий. Это, с одной стороны, объясняется неоднозначностью понятия «национальная идентичность», а также следующими факторами, которые, по нашему мнению, лежат в основе некоторых трудностей, испытываемых канадцами в процессе национальной самоидентификации. Речь идёт об иммигрантском характере государства, особенностях заселения Канады и сравнительно короткой и богатой изменениями истории страны. Все эти факторы, тесно переплетаясь и взаимодействуя друг с другом, в итоге, создали уникальную среду, в которой зарождалась и по сей день продолжает формироваться национальная идентичность канадцев.

Анализ законодательной базы Канады показал, что наиболее содержательное определение национальной идентичности содержится в законе «О мультикультурализме». Дальнейшее подробное рассмотрение этой черты даёт основания полагать, что канадский мультикультурализм отличается от американского и австралийского вариантов по ряду конструктивных признаков, таких как:

- канадское общество не знало продолжительного периода ассимиляции на основе чётко определённого этнокультурного типа. Следовательно, оно развивалось как мультикультурное, надэтническое сообщество сообществ;
- этнокультурные меньшинства Канады менее умозрительны, так как провинции Канады имеют разные системы социализации, которые способствуют сохранению культурных отличий, значимых для социальной коммуникации;
- канадцы действительно являются многоязычной нацией. Этот факт также свидетельствует о том, что вместе и посредством сохранения «родных» языков, канадские этнокультурные меньшинства сохраняют и воспроизводят культурное и ментальное своеобразие.

Таким образом, мультикультурализм может считаться основой канадской национальной идентичности – именно общей канадской идентичности, которая посредством концепции культурной мозаики объединяет разнородные сообщества в единую нацию.

⁴⁵ Черкасов А.И. Ук. соч. (<http://www.niworld.ru/Statei/Cherkasov/n4.htm>).